

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

76

DIALOGUE WITH TIME

истребление египетским фараоном младенцев⁹, бегство от него евреев и их скитание в пустыне¹⁰, сон фараона о тучных и тощих коровах¹¹, «вавилонская тоска»¹², притчи Соломона¹³. Есть, впрочем, и примеры более оригинального использования «вечной книги», указывающие на хорошее знакомство автора с её текстом (в церковнославянском переводе): «Во время свидания Моисея с Иеговой на горе Синае, сварливый еврейский бог стоял, как известно, спиной к своему верному слуге, так что почтенный вождь Израиля видел только “заднюю его”. Наши сторонники “экономического” направления в этом отношении похожи на Моисея: они видят только “заднюю” нашего пролетариата»¹⁴.

Тематика работ Рожкова и Богданова предоставляла им меньше возможностей для апелляции к библейским сюжетам, а в случае с Богдановым можно предполагать и сознательную дистанцию от религиозной культуры. Несколько раз Богданов повторяет пример анализа моисеевых заповедей для иллюстрации «права теократически-патриархального мира»¹⁵, упоминает израильские примеры при анализе развития дарообмена¹⁶, но всё это на максимально общем уровне. Единственный пример активного использования библейского текста, который мне удалось обнаружить¹⁷, весьма показателен: в знаменитой «Тектологии» Богданов излагает сюжет отбора Гедеоном трёхсот воинов для битвы с мадианитянами (Суд. 6: 2–7). Если в библейской истории отбор совершается исключительно по совету Бога, то Богданов говорит о рациональных (хотя и недостаточно качественных) принципах отбора, применённых Гедеоном, производя перекодирование библейского сюжета, который в таком виде должен был служить иллюстрацией не божественной воли, а принципов прагматического подбора кадров¹⁸.

Восточный деспотизм и его аналоги: Г.В. Плеханов

Устойчивое представление о Плеханове как первом русском систематически мыслящем марксисте, чья деятельность была направлена на строго ортодоксальную разработку материалистической теории, в принципе может быть принято за точку отсчёта при рассмотрении его взглядов и на историю Востока¹⁹. Тем не менее, как всякий более или менее серьёзный автор, Плеханов и во второстепенных вопросах не может считаться только лишь толкователем Маркса и Энгельса. С одной стороны,

⁹ Плеханов 1923–1927. IV: 240.

¹⁰ Плеханов 1923–1927. III: 179; VI: 19.

¹¹ Плеханов 1923–1927. XV: 289; XVII: 261; XIX: 107.

¹² Плеханов 1923–1927. XIV: 285.

¹³ Плеханов 1923–1927. XIX: 165.

¹⁴ Плеханов 1923–1927. XII: 17.

¹⁵ Богданов 2010b: 39. Ср. Богданов 2010b: 83, Богданов 1990: 55.

¹⁶ Например: Богданов, Скворцов-Степанов 2011: 154–155.

¹⁷ Пример с тем, что в войске Саула было всего два железных меча (1 Цар. 13: 22), принадлежит, видимо, соавтору Богданова. Богданов, Скворцов-Степанов 2011: 42.

¹⁸ Богданов 1989. II: 169.

¹⁹ Из работ о Плеханове, позволяющих получить предварительное представление о его жизни и творчестве в контексте обозначенной темы: Вагон 1995; Тютюкин 1997.

он вполне усвоил те высказывания немецких теоретиков, которые к тому времени были опубликованы и наиболее близко относились к делу: а именно постоянное выделение Энгельсом античности, средневековья и буржуазной эпохи как основных типов эксплуатации в истории²⁰. Но поскольку Плеханов выбрал путь обращения к достаточно широкому кругу исторического чтения и, кроме того, его главным интересом была судьба России, то взгляды на древнюю историю Востока оказались органично встроены в концепцию русской истории, наиболее полно раскрытую в его главной книге «История русской общественной мысли», а это в свою очередь потребовало более гибкого отношения к прямолинейной энгельсовской схеме общественной эволюции.

Суть обозначенной концепции сводится к тому, что, с одной стороны, история России не является абсолютно своеобразной (потому полностью подвластна марксистскому анализу), с другой – являет собой сочетание западных и восточных элементов общественного строя. Изначально русская история идёт по типичному пути восточных деспотий, основанных на создании крупных государств на «широком пространстве равнин и бассейнах больших рек»²¹; здесь Плеханов был большим сторонником географического детерминизма, чем повлиявший на него Мечников: он заявлял, что деспотический путь развития неизбежно следовал из нужд ирригации²². Деспотизм характеризуется Плехановым не столько через понятие неограниченной власти монарха, сколько через представление об абсолютном бесправии жителей его государства, исходящего из фактического отсутствия у них частной собственности: «Восточному деспоту принадлежит право по произволу распоряжаться имуществом своих подданных»²³. Такое представление развилось далеко не во всех восточных обществах. Будучи свойственным Египту, Месопотамии, Китаю, Персии, Индии, оно достигло наибольшей степени лишь в Китае и Египте²⁴; соответственно, Плеханов против стереотипа об одинаковом и абсолютном порабощении подданных в деспотиях²⁵.

Оформлению монархии восточного типа способствовала опричнина²⁶. Россия, однако, не успела войти в классическую фазу: «некоторые деспотии Востока, – древний Египет или древняя Халдея, – тоже закрепощавшие государству все народные силы, были более цивилизованы, нежели Московская Русь XVII столетия. ...Позволительно предположить, что она, в конце концов, почти сравнялась бы с древним Египтом или с древней Халдеей»²⁷. Петровская модернизация не отменила восточный деспотизм, а дополнила его рациональными западными метода-

²⁰ Энгельс 1961: 224; Плеханов 1923–1927. IV: 206–207.

²¹ Плеханов 1923–1927. X: 25.

²² Плеханов 1923–1927. VII: 26; XX: 77.

²³ Плеханов 1923–1927. XXI: 35.

²⁴ Плеханов 1923–1927. XX: 57.

²⁵ Плеханов 1923–1927. XX: 243.

²⁶ Плеханов 1923–1927. XX: 193.

²⁷ Плеханов 1923–1927. XX: 121.

ми управления: «государство это отличалось от западных тем, что закрепило себе не только низший, земледельческий, но и высший, служилый класс, а от восточных, на которые оно очень походило с этой стороны, – тем, что вынуждено было наложить гораздо более тяжёлое иго на своё закрепощённое население»²⁸. История России, тем самым, не полностью аналогична истории восточных деспотий, хотя некоторые совпадения могут быть показательными – так, Плеханов не удерживается от сравнения нападения гиксосов на Египет с татаро-монгольским нашествием²⁹, но тут же указывает на то, что Египет был окружён лишь варварскими племенами, и это в целом требовало меньших усилий на самооборону, чем в случае Московского государства, которое должно было оборонять не только восточную границу, но и западную, за которой находились развитые соседи. Эти факторы способствовали усилению русского деспотизма взамен нужды в ирригационных работах.

Впрочем, для читателей имела значение, надо полагать, не сама по себе теоретическая рамка исторического процесса, в которую были вплетены восточные мотивы, а собственно публицистические приёмы, которые автор умело разворачивал благодаря принятой им конструкции. Следует признать, что здесь Плеханов не ограничивается банальными сопоставлениями³⁰, но иногда строит эффектный образный ряд, стремясь показать, что психология крестьянской массы имеет своим источником общественное устройство восточных деспотий. Так, обсуждая творчество писателя Гл. Успенского (1843–1902), Плеханов уцепляется за использованный тем образ «Ивана Ермолаевича», мужика от сохи, ушедшего в солдаты, подавлявшего польский мятеж и с наслаждением пересказывавшего знакомому на богомолье, как они давали залпы по недовольным крестьянам в западных губерниях. «На французском языке, – продолжает Плеханов, – есть интересная книга Мэнана “*Annales des rois d’Assyrie*”. Книга эта представляет перевод подлинных надписей ассирийских царей на различных ниневийских памятниках». Цари нестерпимо хвастаются своими победами, в частности, один из них гордится тем, что перебил уйму бунтовщиков, и тела их плыли по реке подобно брёвнам. Но ведь не лично цари убивали повстанцев, отмечает автор. «Ассирийским Иванам Ермолаевичам давали в руки лук и стрелы, ассирийские Муравьёвы кричали им – “ну-ко!”, и они “усмиряли”, не мудрствуя лукаво, и трупы усмиряемых “плыли по реке, как брёвна”»³¹.

Судя по всему, Плеханов давал это место из Менана по памяти, поскольку наиболее близкий по содержанию отрывок в этой книге относится к походу Ашшурбанипала на Элам (собственно, не являвшийся частью Ассирийской державы) и передан в следующих словах (с характерным сомнением переводчика в окончании фразы): «Я убил многих из

²⁸ Плеханов 1923–1927. XX: 88, тж. 118.

²⁹ Плеханов 1923–1927. XX: 87.

³⁰ Вроде «на “мужичке” целые тысячелетия непоколебимо держались восточные деспотии». Плеханов 1923–1927. III: 383; ср. Плеханов 1923–1927. XX: 74.

³¹ Плеханов 1923–1927. X: 30-31.

его солдат; его воины попали живыми в мои руки; их жёны, подобно наконечникам стрел, заполонили окрестности Суз, трупы наполнили реку Улай и плыли как обломки деревьев (?))»³². В книге есть и другой похожий отрывок, но уже из надписи Саргона II: «Воды каналов несли тела мятежников на своих волнах подобно стволам деревьев»³³. Надо думать, два близких текста сложились в памяти автора в общий образ подавления восстаний ассирийскими правителями, а практика сплава деревьев по русским рекам сделала его естественно запоминающимся.

Публицистический подход позволяет Плеханову избежать также противоречия с ассоциацией древности и рабовладения, которую использовал Энгельс. С одной стороны, Плеханов вполне однозначно ассоциирует основной эксплуатируемый класс восточных деспотий с «мужичками», а сами эти государства относит к феодальным³⁴. С другой, неоднократно говорит о рабовладении – но употребляет это понятие не в узком смысле, а приблизительно в том, в котором в дореформенной России «рабами» называли крепостных крестьян³⁵. Если же говорить об общественном строе, то все или почти все «культурные страны Востока» прошли через «фазу феодализма» – как Россия и Западная Европа³⁶, хотя это вовсе не тождественные феодализмы³⁷.

Можно добавить к этому, что, несмотря на некоторое внимание к месопотамским сюжетам, текст Плеханова в аспекте ближневосточной истории предсказуемо египтоцентричен. Почти всякий раз, когда необходимо проиллюстрировать свою мысль отсылкой к Востоку, ему приходят на ум именно египетские образы³⁸. В одном из партийных споров, рисуя для примера некоего абстрактного интеллектуала, который может отказаться от открытого вступления в ряды социал-демократов, он выразился так: «Если какой-нибудь профессор египтологии, на том основании, что он помнит наизусть имена всех фараонов и знает все требования, которые предъявлялись египтянами быку Апису, сочтёт, что вступление в нашу организацию ниже его достоинства, то нам не нужно этого профессора»³⁹. Как часто бывает с пафосными заявлениями, оно дезавуирует само себя: из-за показного презрения к «профессору египтологии» выглядывает подавляемая мечта оказаться на его месте.

³² Menant 1874: 260. В поздних переводах вообще отсутствует сравнение с брёвнами. См. Рипкорн 1933: 69.

³³ Menant 1874: 188.

³⁴ Плеханов 1923–1927. XX: 11.

³⁵ Плеханов 1923–1927. XXI: 61; XXII: 301.

³⁶ Плеханов 1923–1927. XX: 11.

³⁷ Плеханов 1923–1927. XXIII: 183. Важное отличие заключалось в том, что в восточных деспотиях «держателям земли, несмотря на их усилия, не удалось обратить лены в свою наследственную собственность». Плеханов 1923–1927. XX: 79. См. также Плеханов 1923–1927. XII: 344: о круговой поруке и земельных переделах как неотъемлемой основе «самого варварского деспотизма».

³⁸ Показательный пример – воображаемое путешествие ожившей мумии египетского писца в Московию. Плеханов 1923–1927. XX: 79. Ср.: Плеханов 1923–1927. XX: 259.

³⁹ Плеханов 1923–1927. XII: 426–427.

этому описание особенностей восточных обществ, по сравнению с античными, имело очень немного возможностей быть основанным на каких-либо оригинальных идеях и проигрывало тенденции к обобщённой характеристике древней истории.

Следует обратить внимание и на другой момент: становление советской науки было во многом построено на отвержении учебных пособий и исторических трудов 1920-х гг. как слишком схематичных, при этом продукция 1930-х гг. сама в итоге оказалась подчинена более ригидной, к тому же единственной схеме исторического процесса, которая идеально сочеталась с сугубой фактологией. Косвенную роль в этом торжестве сталинской модели историописания сыграло то, что работы таких авторов, как Плеханов, Рожков, Богданов, несмотря на очевидное упрощение в них исторических сведений, могли быть адекватно поняты и прочитаны только таким читателем, который имел базис дореволюционного гимназического образования – и это ему они могли казаться простыми и схематичными. Советский читатель, обладавший куда более скромным запасом знаний, должен был совершенно теряться в потоке хронологически неупорядоченных примеров, который лился на него параллельно с всеохватывающей исторической теорией, причём именно такое сочетание дезориентировало в наибольшей мере. На материале ближневосточной истории, с её обилием нерасхожих сюжетов и малоизвестных персонажей, это должно было быть особенно заметно. Таким образом, рождение советского востоковедения было в том числе реакцией на кризис русского марксистского историописания.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Богданов А. Краткий курс экономической науки. М.–Пг.: Государственное издательство, 1923. 264 с. [Bogdanov A. Kratkij kurs jekonomicheskoj nauki Moscow – Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1923. 264 p.]
- Богданов А. Праздник бессмертия. Избранные произведения. СПб.: Издат. группа «Лениздат», «Команда А», 2014. 384 с. [Bogdanov A. Prazdnik bessmertija. Izbrannye proizvedenija. Saint Petersburg: Izdatel'skaja gruppa «Lenizdat», «Komanda A», 2014. 384 p.]
- Богданов А. Эмпириомонизм. Книга III. СПб.: Электронпечатня товарищества «Дело», 1906. 160 с. [Bogdanov A. 1906: Empiriomonizm. Book III. Saint Petersburg: Jelektropечатnja tovarishhestva «Delo», 1906. 160 p.]
- Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. 479 с. [Bogdanov A.A. Voprosy socializma. Raboty raznyh let. Moscow: Politizdat, 1990. 479 p.]
- Богданов А.А. Падение великого фетишизма. Современный кризис идеологии. М.: КРАСАНД, 2010 (b). 224 с. [Bogdanov A. Padenie velikogo fetishizma. Sovremennij krizis ideologii. Moscow: KRASAND, 2010 (b). 224 p.]
- Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. М.: Экономика, 1989. Кн. I. 304 с.; Кн. II. 351 с. [Bogdanov A.A. Tektologija. Vseobshhaja organizacionnaja nauka. I–II. Moscow: Jekonomika, 1989. Vol. I. 304 p.; Vol. 2. 351 p.]
- Богданов А.А. Философия живого опыта. Материализм, эмпириокритицизм, диалектический материализм, эмпириомонизм, наука будущего. Популярные очерки. М.: КРАСАНД, 2010 (a). 272 с. [Bogdanov A. Filosofija zhivogo opyta. Materializm, jempiriokriticizm, dialekticheskij materializm, jempiriomonizm, nauka budushhego. Populjarnye ocherki. Moscow: KRASAND, 2010 (a). 272 p.]
- Богданов А.А., Скворцов-Степанов И.И. Курс политической экономии докапиталистической эпохи. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 378 с. [Bogdanov, A.A.; Skvortsov-

- Stepanov, I.I.: Kurs politicheskoy jekonomii dokapitalisticheskoy jepohi. Moscow: Knizhnyj dom «Librokom», 2011. 378 p.]
- Волобуев О.В. Н.А. Рожков: историк и общественный деятель. М.: Собрание, 2012. 320 с. [Volobuev O.V. N.A. Rozhkov: istorik i obshhestvennyj dejatel'. M.: Sobranie, 2012. 320 p.]
- Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 2000. 480 с. [Hegel, G.W. Fr. Lektсии po filosofii istorii. Saint Petersburg: Nauka, 2000. 480 p.]
- История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: Издательство ЦК ВКП(б) «Правда», 1938. 352 с. [Istoriia Vsesoiuznoi Kommunisticheskoi partii (bol'shevikov). Kratkii kurs. Moscow: Izdatel'stvo CK VKP(b) «Pravda», 1938. 352 p.]
- Ладынин И.А. Понятие «древний Восток» в отечественной историографии XX в. // ВДИ. 2019. Т. 79. № 3. С. 772–796 [Ladynin I.A. Ponjatie «drevnij Vostok» v otechestvennoj istoriografii XX v. // Vestnik drevney istorii. 2019 (a). Vol. 79. No 3. P. 772–796].
- Локтионов М.В. Александр Богданов между марксизмом и позитивизмом. М.: ИФ РАН, 2018. 135 с. [Loktionov M.V. 2018: Aleksandr Bogdanov mezhdru marksizmom i pozitivizmom. Moscow: IF RAN, 2018. 135 p.]
- Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. М.: Айрис-пресс, 2013. 320 с. [Metchnikoff L.I. 2013: Civilizacija i velikie istoricheskie reki. M.: Ajris-press, 2013. 320 p.]
- Плеханов Г.В. Сочинения. Тт. I–XXIV. Москва–Петроград/Ленинград, 1923–1927 [Plehanov G.V. Sochinenija. Vol. I–XXIV. Moscow – Petrograd/Leningrad 1923–1927].
- Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики). Тт. I–XII. Л.–М., 1925–1928 [Rozhkov N.A.: Russkaja istorija v sravnitel'no-istoricheskom osveshhenii (Osnovy social'noj dinamiki) Vol. I–XII. L.; M., 1925–1928].
- Тураев В.А. История древнего Востока. Ч. I. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1913. 414 с. [Turaev V.A. Istoriya drevnego Vostoka. Part I. SPb.: Tip. V. Bezobrazova i K°, 1913. 414 p.]
- Тютюкин С.В. Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М.: РОССПЭН, 1997. 376 с. [Tjutjukin S.V. G.V. Plehanov. Sud'ba russkogo marksista. M.: ROSSPJeN, 1997. 376 p.]
- Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издание политической литературы, 1961. Т. 19. С. 185–230 [Engels F. Razvitie socializma ot utopii k nauke // Marx K., Engels F. Sochinenija. Moscow: Gosudarstvennoe izdanie politicheskoy literatury, 1961. Vol. 19. P. 185–230].
- Baron S.H. Plekhanov in Russian History and Soviet Historiography. Pittsburgh; London: University of Pittsburgh Press, 1995. 298 p.
- González J. An Intellectual Biography of N.A. Rozhkov (1868–1927): Life in a Bell Jar. Leiden: Brill, 2017. 380 p.
- González J. From Historicism to Historical Sociology: An Examination of Nikolai Aleksandrovič Rozhkov's Nomothetic Scheme of Historical Evolution // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2013. Vol. 6. P. 90–115.
- Jensen K.M. Beyond Marx and Mach. Aleksandr Bogdanov's Philosophy of Living Experience. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1978. IX+189 p.
- McDonald P.D. Artefacts of Writing. Ideas of the State and Communities of Letters from Matthew Arnold to Xu Bing. Oxford: Oxford University Press, 2017. 328 p.
- Ménant M.J. Annales des rois d'Assyrie. Traduites et mises en ordre sur le texte Assyrien. Paris: Maisonneuve et Cie, Éditeurs, 1874. 312 p.
- Meyer E. Geschichte des Altertums. Erster Band. Zweite Hälfte. Die Ältesten Geschichtlichen Völker und Kulturen bis zum Sechzehnten Jahrhundert. Stuttgart–Berlin: J.G. Gotta'sche Buchhandlung Nachfolger, 1909. 894 s.
- Piepkorn A.K. Historical Prism Inscriptions of Ashurbanipal. Vol. I. Edition E, B 1–5, D, and K. Chicago: The University of Chicago Press, 1933. 109 p.
- Sadovsky V.N.; Kelle V.V. Foreword // Bogdanov's Tektology. Book 1. Hull: Centre for System Studies Press, 1996. P. III–XXIX.
- Sawer M. Marxism and the Question of the Asiatic Mode of Production. Hague: Martinus Nijhoff, 1977. 252 p.
- Verderame L., Garcia-Ventura A. Preliminary Considerations // Receptions of the Ancient Near East in Popular Culture and Beyond / Eds. L. Verderame, A. Garcia-Ventura. Atlanta: Lockwood Press, 2020. P. 1–9.

Крих Сергей Борисович, доктор исторических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; krikh@rambler.ru

The Russian Marxists and the Ancient Near East

Marxism in pre-revolutionary Russia is one of the forgotten pages for prehistory of the Soviet historical narrative. Soviet historians speaking large about Lenin (either Marx and Engels) as a predecessor of the Soviet scholarship, but mostly ignored such authors like Georgii Plekhanov, Nikolai Rozhkov and Alexander Bogdanov. All named Russian Marxist has similar background in their historical education and in their handing of facts. All of them also used simplification as a technique to show how the same principles of materialistic analysis worked on the examples many of ancient societies of the East. This general simplification was partly smoothed out by both the recognition of the variability of the historical development of ancient societies and the mutual competition of different versions of their development. But this combination was lost during the genesis of Soviet historical scholarship in the early 1930s.

Keywords: Russian Marxism, history of the ancient Near East, early Soviet historiography

Sergey Krikh, *Dr. Sc. (History), Professor, Department of World History, Omsk State University named after Dostoevsky; krikh@rambler.ru*